

Стражник Гао, с силой выкрутив руки Цяо Синяню, припечатал его к дверям медицинской лавки Шаншань так, что те отозвались гулким грохотом.

Цяо Синяня мучили головокружение и звон в ушах, но он лишь нахмурился, выровнял дыхание и не проронил ни звука.

— Идем, идем, не стучите так!

Подмастерье, дежуривший в лавке, снял одну из досок, заграждавших вход, поднял с пола масляную лампу и высунулся наружу:

— Лекаря сейчас нет, господа...

Не дожидаясь, пока тот договорит, Гао втолкнул Цяо Синяня внутрь. Подмастерье первым делом поставил лампу на стол. Тусклый свет, размером с горошину, едва освещал клочок пространства, и Цяо Синянь даже не мог разглядеть лица стоявшего напротив парня.

Не дожидаясь угроз со стороны Гао, Цяо Синянь сглотнул пересохшим горлом и хрипло произнес:

— Три цяня овечьего дурмана, один цянь корня жасмина, три ляна дудника, три фэня аира. Отвар.

Подмастерье засомневался:

— Господин, судя по всему, у вас травма плеча, но прописанный состав не соответствует диагнозу.

— Иди и собирай лекарства! — Гао выложил на стол серебряный билет и пододвинул его подмастерью. — И заодно Расскажи мне, для чего нужны эти травы.

Именно за этим Гао и притащил его в Шаншань. В это время суток все лекари уже разошлись по домам, и только здешние подмастерья были способны не только собрать травы по рецепту, но и без запинки объяснить их действие — в других лавках такой выучкой похвастаться не могли.

Цяо Синянь проигнорировал недобрый взгляд Гао. Его взор был прикован к аптечному шкафу за прилавком. В скудном свете лампы виднелись лишь очертания ящиков, но подмастерье в полумраке безошибочно находил нужные ингредиенты.

— Овечий дурман: вкус острый, природа теплая, обладает сильным ядом. Лечит ревматизм, проникающий в мышцы, снимает онемение. Помогает при ветре, застрявшем в коже, и ноющей боли. Устраняет последствия воздействия злых духов, ядов и эпидемических недугов. Это средство можно применять лишь в исключительных случаях, когда болезнь загнана глубоко внутрь, но ни в коем случае нельзя использовать часто.

— Корень жасмина: вкус горький, природа теплая, ядовит. Лечит травмы сухожилий и костей, зубную боль, головную боль, бессонницу.

— Дудник: природа теплая, вкус сладкий и острый. Способствует движению крови, регулирует менструальный цикл, снимает боль, увлажняет кишечник. Восполняет пять органов, регенерирует ткани.

— Аир: природа теплая, вкус горький и острый. Изгоняет холод и сырость, прочищает девять отверстий, обостряет слух и зрение, восстанавливает голос. При длительном приеме делает тело легким, улучшает память, продлевает жизнь и укрепляет дух.

Гао слушал, и ни одна из трав не казалась ему противоядием. Наоборот, овечий дурман оказался сильно ядовитым. Ярость вскипела у него в груди, и он вцепился в воротник Цяо Синяня.

— Травы уже собраны, — вдруг подал голос подмастерье. — Если господам они не нужны, я уберу их обратно. Вы ведь знаете, где находитесь? Это лавка Шаншань.

Цяо Синянь, вынужденный выпрямиться, увидел, что на бумаге перед подмастерьем разложены четыре вида трав. Если они сейчас откажутся, парень тут же унесет их обратно.

После всех мытарств Цяо Синянь выбился из сил. Он обмяк, всем весом повиснув на руке Гао:

— Вред лекарства зависит не от самого состава, а от врача. При правильном применении даже яд становится лекарством, а при ошибке — даже безобидная трава навредит. Ты не знаешь, чем отравлен, так с чего решил, что это не антидот? Два часа почти истекли, дружище!

Гао разжал пальцы и скомандовал подмастерью:

— Живо вари отвар. — Затем он обернулся к Цяо Синяню и добавил с угрозой: — Сначала выпьешь сам.

Цяо Синянь рухнул на стул, опустив руки, всем своим видом показывая крайнюю степень истощения. Изначально он хотел оставить Гао жизнь, но раз тот не оценил милости, винить его не в чем — это самооборона. Цяо Синянь нащупал в голенище сапога нефритовую трубку.

Перед отъездом из Яоцзина он обменял доли в своих предприятиях на сведения в ресторане Цзуйсянь. Там за нужную цену можно было узнать всё что угодно, хотя достоверность информации никто не гарантировал. Однако, судя по тому, что никто не пришел сводить с ним счеты, сведения были небесполезны. Там же говорили и про лавку Шаншань: если подмастерье не менял чай, лучше его не пить; в лавке нельзя устраивать беспорядки — семья Жуань злопамятна и защищает своих; не стоит с ними ссориться — отказ в лечении будет самым мягким наказанием. Настоящие медицинские тираны. Тогда Цяо Синянь посмеялся, что это вполне в его духе, жаль, не удалось познакомиться.

Лавку Шаншань знали все не только в Даяо, но и, пожалуй, за его пределами. О её происхождении ходили легенды. В Цзуйсянь Цяо Синянь слышал любопытную версию.

Когда основатель династии Даяо вел войска к столице, еще за десятки ли до города разведчики доложили: ворота открыты, а знать уже связала остатки прежней династии и ждет императора. Власть сменилась без кровопролития, и аристократы сохранили свои посты. Но император, хоть и опирался на них, постоянно чувствовал их давление.

Ему нужно было растить своих людей и ставить на место старых «братьев по оружию». К тому же, его сводный брат Жуань Чуцзинь, с которым отношения становились всё холоднее, был идеальной фигурой для борьбы с аристократией. В стране царили голод и разруха, но при дворе начались распри. В итоге Жуань Чуцзинь ушел в отставку, а глава гражданских чиновников, канцлер Цянь, подал в отставку по состоянию здоровья. Император, якобы скорбя, пожаловал Жуань Чуцзиню собственноручно написанные каллиграфические знаки Шаншань Жошуй — Высшее благо подобно воде. Эти слова означали, что потомки рода Жуань могут четырежды избежать смертной казни.

Жуань Чуцзинь уехал из столицы, и поползли слухи, что надпись — лишь насмешка над его жаждой власти, а помилование — способ поиздеваться над чужими шрамами. Но вскоре Жуань Чуцзинь обзавелся детьми, что было чудом. Он отправил радостную весть в столицу вместе с той самой надписью. Император вернул её, но она была разрезана: у Жуаней остались только знаки Шаншань, а Жошуй он оставил у себя, якобы чтобы любоваться ими, вспоминая брата.

На следующий день все лавки Жуаней сменили вывески на Шаншань, якобы в знак благодарности святейшему императору.

Но истинная причина, по которой Гао не смел бесчинствовать, была в другом: если он устроит скандал, вся его семья и господа окажутся в черном списке лавки. В жизни случается всякое, и если однажды жизнь близких будет зависеть от лекарств Шаншань, он не сможет их купить.

— Господа, ваше лекарство готово.

Подмастерье, понимая, что эти двое не из одной чаши едят, предусмотрительно налил порцию для Цяо Синяня в отдельную миску.

Цяо Синянь не мог пить этот отвар. Ему нужно было выбраться из города и успеть в Аньпин. Юань Бинь решил выжечь всё дотла, даже не пощадив его младшего брата. За три года совместных дел Цяо Синянь считал, что ничего не должен Юань Биню, но тот решил пойти до конца.

Цяо Синянь взял миску и выплеснул содержимое на пол.

— Пей сам, если хочешь. Я не отравлен, а два часа почти вышли.

Гао, расшвырпев, спросил подмастерья:

— Это яд?

— Трудно сказать, — ответил тот. — Рецепт незнакомый. Но я давал его кошке, с ней ничего не случилось.

Гао схватил Цяо Синяня и приказал:

— Веди, показывай.

Они прошли во внутренний двор. Под каменными ступенями сидела кошка и умывалась. Она выглядела совершенно здоровой. Гао схватил её за загривок, поднес к свету — на шерсти вокруг рта виднелись следы отвара. Убедившись, что кошка в порядке, Гао залпом выпил свою порцию лекарства.

Раздался глухой стук — Гао рухнул на землю. Кошка, испугавшись, с мяуканьем скрылась в темноте.

<http://bllate.org/book/19132/1878992>